

НЕКОТОРЫЕ ПАЛЕОДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ КАМЕНСКОЙ КУЛЬТУРЫ ЛЕСОСТЕПНОГО ПРИОБЬЯ

Н. П. Матвеева

The article considers sex-age grouping of human beings from 29 burial grounds of the Early Iron Age in the forest-steppe Lower Ob basin, according to sampling of about 1100 individuals. A big family character of burial constructions being established. Average age at death, without regard to infant mortality, is identified as 34,7. Demographic indices for women are lower than those for men pointing to patriarchal relations in the society. During the final stage of the Kamenka culture, mortality among adolescents and youths would increase which reflects a growing number of military conflicts and a sanguinary nature thereof in the south of West Siberia by the end of the 1st millenium B. C., as well as their major impact on general demographic situation.

Массовость палеоантропологического материала и достаточная изученность могильников каменной культуры раннего железного века в лесостепном Приобье позволяют обратиться к проблемам демографического состояния общества. Ранее эти вопросы рассматривали по части имеющихся материалов А. П. Бородовский и Т. Н. Троицкая. Ими дана характеристика половозрастного деления общества у населения Новосибирского Приобья в эпоху раннего железа, проанализированы соотношения полов и возрастов умерших. Авторы считают, что преобладание мужских захоронений в могильниках бийского этапа указывает на существование отдельных женских и детских кладбищ, в особенности для младенцев [Троицкая, Бородовский, 1994, с. 80–81]. А. П. Бородовским, В. Т. Ворониным и Е. Г. Шпаковой проведено демографическое исследование комплекса некрополей Быстровка-1, 2, 3, датирующихся в интервале III в. до н. э. — II в. н. э. Оно показало неуклонное возрастание смертности молодого населения обоих полов и доли военного травматизма. Результаты построения половозрастных пирамид смертности привели авторов к выводу о периодичности ухудшения условий жизни и обострения военно-политической ситуации в Новосибирском Приобье [Бородовский и др., 1996, с. 32].

Нам удалось собрать сведения о поле и возрасте умерших из 29 некрополей разных локальных районов каменной культуры: Новосибирского и Барнаульского Приобья и Барабы (табл. 1). Материалы по Кулунде из-за их единичности в обработку не включены [1]. На сегодняшний день мы располагаем почти 1100 определениями пола и возраста погребенных [2]. Это весьма значительный для нынешнего уровня изученности сибирских археологических культур корпус источников. Тем не менее ряд некрополей исследованы не полностью, отсутствует достоверная информация по детской смертности, что не позволяет обоснованно определять общую продолжительность жизни каменцев.

Таблица 1

Перечень могильников, использованных в палеодемографическом анализе

Новосибирское Приобье	Бараба	Барнаульское Приобье	
Быстровка-1	Здвинск	Кирилловка-3	Рогозиха-1В
Быстровка-3	Осинцево	Елунино-1	Рогозиха-1А
Новый Шарап-1	Мышайлы	Елунино-2	Новотроицкое-1
Новый Шарап-2		Гоньба	Новотроицкое-2
Милованово-2		Заимка	Масляха-1
Милованово-8		Дресвянка	Масляха-2
Ближние Елбаны-3		Раздумье-4	Усть-Иштовка
Ближние Елбаны-7		Раздумье-6	Соколово
Ближние Елбаны-12		Камень-2	

Рассмотрим данные по полу и возрасту умерших из каменных могильников, группируя их по хронологическим периодам и локальным районам, ориентируясь на традиционную периодизацию с делением на два этапа, которые соответствуют ранее выделявшимся бийскому и березовскому. Из-за дискуссионности названий, границ и историко-культурного содержания периодов раннего железного века в лесостепном Приобье, мы здесь отказываемся от их наименований, подразумевая под ранним VI–IV вв. до н. э., а под поздним — III–II вв. до н. э. При этом мы пользуемся градациями возраста, принятыми у антропологов: *infantilis-1*; *infantilis-2*; *uvenilis*; *adultus*; *maturus*; *senilis*, дополнительно выделив группу подростков (12–16 лет), что представляет существенный интерес с точки зрения изучения социальных отношений.

Средний возраст смерти определен суммарно для взрослых в 34,72 года, что близко к показателям, характерным для культур раннего железного века сопредельных территорий Западной Сибири джетысарской — 32,4 года [Бужилова, Медникова, 1993, с. 259], саргатской — 34,98 года

[Матвеева, 1999б, с. 93]. Известно, что если длина поколения составляет около 17–25 лет, то это может свидетельствовать о связях родители — дети. В нашем случае разница между средним возрастом смерти взрослых и детей велика (около 30 лет) и указывает на связь прародители — дети или прародители — родители — дети (табл. 2, 3), что, таким образом, позволяет предполагать большесемейный характер каменных могильников. Различия в возрасте смерти мужчин и женщин составляют от 2 до 9 лет в пользу мужчин (табл. 2, 3).

Таблица 2

Демографическая структура популяций Новосибирского Приобья и Барабы

Категория	Кол-во	%	Средний возраст смерти, лет
Общее — ранний	20	100	34,26
Общее — поздний	180	100	34,99
Мужчины — ранний	9	42,86	32,81
Мужчины — поздний	51	22,65	39,07
Женщины — ранний	7	33,33	35,71
Женщины — поздний	39	21,55	30,9
Дети — ранний	5	23,81	7,86
Дети — поздний	70	38,67	3,28

Таблица 3

Демографическая структура популяций Барнаульского Приобья и Кулунды

Категория	Кол-во	%	Средний возраст смерти, лет
Общее — ранний	133	100	35,42
Общее — поздний	758	100	34,45
Мужчины — ранний	33	24,81	39,92
Мужчины — поздний	287	37,86	35,02
Женщины — ранний	46	34,59	30,92
Женщины — поздний	202	26,65	33,88
Дети — ранний	54	40,6	4,79
Дети — поздний	269	35,49	5,64

Демографическая структура каменных общин разных районов кардинально различается по периодам (рис. 1). Если на раннем этапе соотношение полов составляет 1,4 в пользу женщин, то на позднем это же соотношение уже в пользу мужчин (табл. 4). Детская смертность рассчитана в 37,16 %, что нельзя признать объективным показателем и следует объяснить плохой сохранностью младенческих могил (так как их доля оказалась ниже доли infantilis-2).

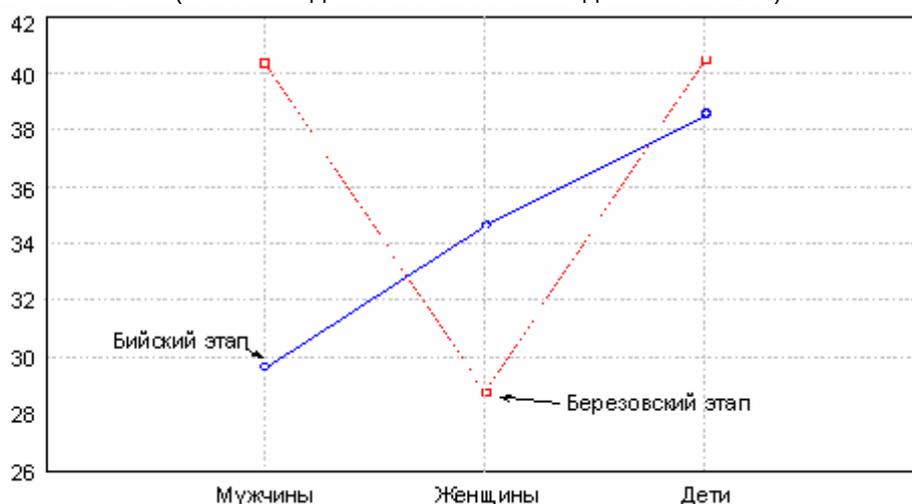

Рис. 1. Каменная культура.

График демографической структуры каменных популяций в целом (в %) Можно отметить низкую подростковую смертность, большую смертность женщин в раннем репродуктивном периоде [3], малую долю стариков, особенно мужчин (2,64 % от всех мужчин, против показателя 3,74 % у женщин).

Если проанализировать каменные материалы по локальным районам, то оказывается, что в некрополях Барнаульского Приобья выше уровень женской смертности в детородном возрасте, больше доля молодых мужчин и ниже показатель по количеству умерших в старости, что указывает на какие-то неблагоприятные социальные условия этого региона, возможно, активные военные действия.

Таблица 4

Половозрастной состав умерших в каменных популяциях в целом по раннему и позднему периодам		
Возраст, лет	Ранний	Поздний
Женщины		
17–25	13	69
26–35	26	76
36–55	13	86
56–70	1	10
<i>Итого</i>	53	241
Мужчины		
17–25	4	60
26–35	12	118
36–55	21	154
56–70	4	6
<i>Итого</i>	41	338
Дети		
0–1	17	105
1,1–11	29	199
12–16	13	35
<i>Итого</i>	59	339
Всего	153	918

По материалам Кирилловки-3 и Елунино-1 можно судить, что на раннем этапе соотношение полов было в пользу женщин, но велика смертность юных и молодых, они доживали до зрелости в два, а до старости — в три раза реже мужчин. По данным демографов, пик смертности у женщин приходится на период повышенной частоты деторождений [Медникова, Бужилова, 1993, с. 272].

Попытаемся проследить динамику демографической структуры каменных общин. При этом следует отметить, что репрезентативность источников по раннему и позднему этапам развития культуры разная. Первый этап беднее данными (свыше 150 ед.), по второму этапу они более убедительны (свыше 900 индивидов). Таким образом, из-за неодинаковой представительности групп наши наблюдения по некрополям VI–IV вв. до н. э. могут оказаться уязвимыми при сопоставлении с новыми данными в случае массового поступления материалов из раскопок ранних могильников. Но все-таки, надеемся, некоторые тенденции в пределах больших периодов удастся выявить.

Таблица 5

Численность половозрастных групп в погребальных памятниках Новосибирского Приобья и Барабы [4]

Возраст, лет	Ранний этап		Поздний этап		Всего	
	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%
Женщины						
17–25	0	0	9	5,63	9	5,0
26–35	5	25,0	13	8,13	18	10,0
36–55	2	10,0	13	8,13	15	8,33
56–70	0	0	4	2,5	4	2,22
Мужчины						
17–25	1	5,0	6	3,75	7	3,88
26–35	2	10,0	15	9,38	17	9,44
36–55	5	25,0	29	18,13	34	18,88
56–70	0	0	1	0,63	1	0,55
Дети						
0–1	0	0	35	21,88	35	19,44
1,1–11	4	20,0	33	20,63	37	20,55
12–16	1	5,0	2	1,25	3	1,66

**Численность половозрастных групп в погребальных памятниках
Барнаульского Приобья и Кулунды [5]**

Могильник	ж1	ж2	ж3	ж4	м1	м2	м3	м4	д1	д2	д3	Всего
Рогозиха-1А	2	2	4	0	0	0	3	0	1	1	1	14
Кирилловка-3	5	9	4	1	2	3	5	3	9	18	7	66
Елунино-1	3	7	2	0	0	5	4	0	6	3	1	31
Елунино-2	0	0	1	0	1	0	1	1	0	1	1	6
Гоньба	3	1	0	0	0	0	1	0	0	1	1	7
Заимка	0	2	0	0	0	2	2	0	1	1	1	9
Дресвянка	2	0	1	0	0	2	1	0	1	0	0	7
Раздумье-4	1	3	6	0	3	6	2	0	3	6	1	31
Раздумье-6	1	1	2	2	0	2	2	2	2	8	0	22
Камень-2	5	21	6	2	0	26	14	1	16	19	3	113
Рогозиха-1В	13	6	3	0	7	12	12	0	5	13	6	77
Н-Троицкое-1	17	14	25	1	12	18	31	2	12	39	7	178
Н-Троицкое-2	11	8	19	1	16	20	39	0	21	38	9	182
Масляха-1	4	5	6	0	14	12	16	0	7	30	7	101
Масляха-2	2	1	1	0	1	1	3	0	1	6	0	16
Усть-Иштовка	4	2	1	0	0	3	2	0	2	4	0	18
Соколово	0	2	3	0	1	1	3	0	0	3	0	13

Расчеты, проведенные суммарно по могильникам, показывают, что в VI–IV вв. до н. э. средний возраст смерти [6] у мужчин составлял 36,36 лет, у женщин — 33,32 года. Эти показатели оказываются существенно ниже, чем у людей тагарской культуры — 42,6 года и 38,55 лет соответственно, полученные суммарно по ряду могильников VII–IV вв. до н. э. А. Г. Козинцевым [1971, с. 152]. Половозрастная структура коллективов отличалась преобладанием женщин, женская смертность превышала мужскую (рис. 2).

Общий показатель детской смертности (38,56 %) выглядит заниженным, как мы думаем, из-за плохой сохранности младенческих могил, поскольку детей до года в захоронениях значительно меньше, чем infantilis-2. Если ориентироваться на показатель смертности детей группы возраста 1,1–11 лет, который составляет 27 % в Кирилловке-3, так же и для младенцев, то общая величина составит около 65 %, вполне характерный для первобытного общества уровень [Грязнов, 1956].

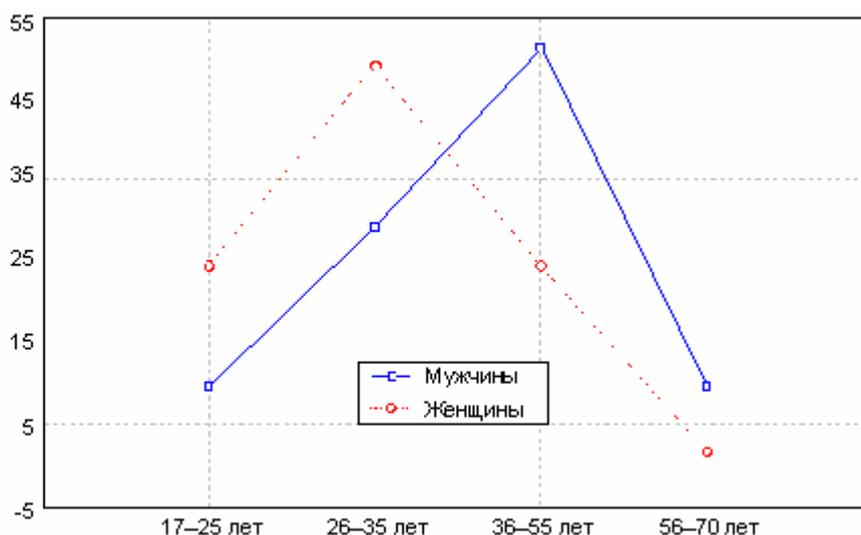

Рис. 2. График половозрастного состава умерших из каменных некрополей раннего периода в целом (в %)

Для примера рассмотрим популяции из нескольких самых значительных могильников раннего периода: Кирилловки-3, Елунино-1, Быстровки-1. Быстровская популяция дает преобладание женщин на 5 % над мужчинами и наглядно отражает высокую детскую смертность — 45,9 %. В Елунино-1 и Кирилловке-3 продолжительность жизни женщин довольно низкая и на 9–10 лет уступает мужской (табл. 7).

Половозрастная структура умерших из могильников Кирилловка-3 и Елунино-1

Возраст, лет	Кирилловка-3			Елунино-1		
	Кол-во	%	Средний возраст смерти, лет	Кол-во	%	Средний возраст смерти, лет
Женщины						
17–25	5	7,56	–	3	9,68	–
26–35	9	13,64	–	7	22,58	–
36–55	4	6,06	–	2	6,45	–
56–70	1	1,52	–	0	0	–
<i>Итого</i>	19	28,79	33,37	12	38,71	28,46
Мужчины						
17–25	2	3,03	–	0	0	–
26–35	3	4,55	–	5	16,13	–
36–55	5	7,58	–	4	12,9	–
56–70	3	4,55	–	0	0	–
<i>Итого</i>	13	19,7	42,62	9	29,03	37,22
Дети						
0–1	9	13,64	–	6	19,35	–
1,1–11	18	27,27	–	3	9,68	–
12–16	7	10,61	–	1	3,23	–
<i>Итого</i>	34	51,52	5,46	10	32,26	4,12
<i>Всего</i>	66	100,0		31	100,0	

Пик смертности у женщин приходится на период 26–35 лет; у мужчин — на следующую возрастную группу. Доли подростков и стариков незначительны.

Распределение максимумов смертности указывает на достаточно стабильный и мирный образ жизни быстровцев в ранний период (рис. 3). Высокая доля смертей в возрасте 12–16 лет (9 %), что в значительной мере могло быть связано с первыми родами у женщин, позволяет предположить существование практики ранних браков. Расчетное число детей, приходящихся на одну женщину, составляет 1,56. Это означает, что у каждой женщины умирало в среднем двое детей, не достигнув репродуктивного возраста. А если учитывать неполноту данных по детской смертности, то и больше. Следовательно, для воспроизводства коллектива каждая женщина должна была родить не менее 4–5 детей. Судя по среднему возрасту смерти, социальные условия жизни мужчин на раннем этапе каменной культуры были значительно лучше женских.

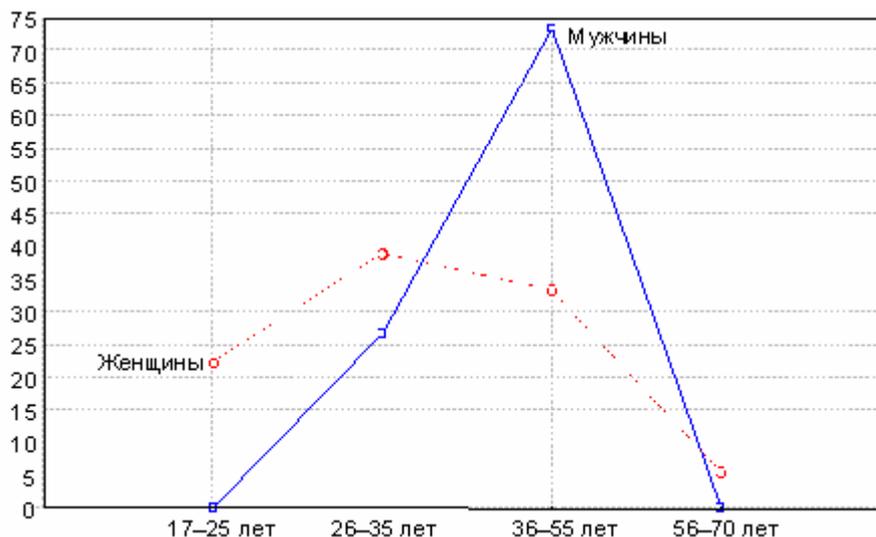

Рис. 3. График смертности по могильнику VI-IV вв. до н. э. Быстровка-1 (в %)

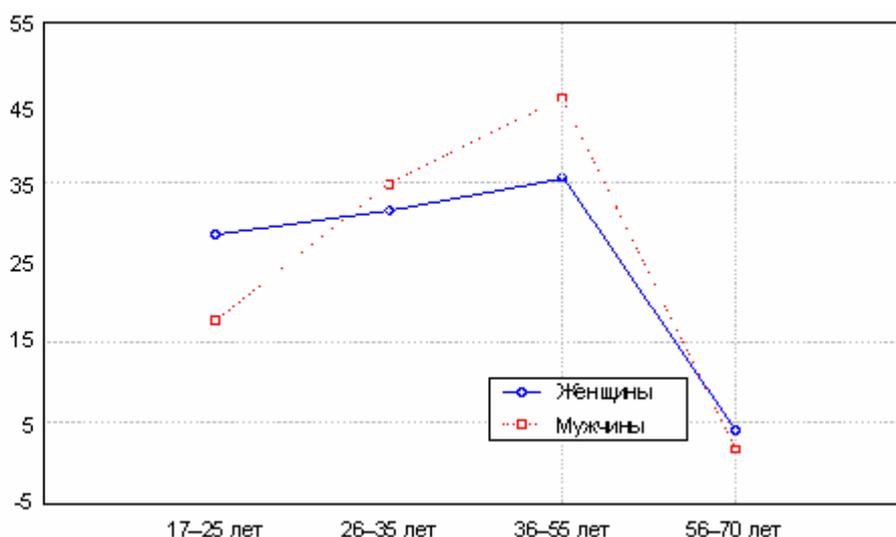

Рис. 4. График половозрастного состава умерших из каменных некрополей III-II вв. до н. э. в целом (в %)

На позднем этапе демографическая картина резко меняется. В общекультурном целом наблюдается рост женской смертности в юном и зрелом, а мужской — в юном и возмужалом возрастах с общим падением числа доживающих до зрелости и старости (рис. 4). В III–II вв. до н. э. средний возраст смерти у мужчин оказался близок величине 37,05 лет, а женщин — 32,39 года. Этот показатель хотя и несколько выше, чем полученный А. П. Бородавским по некрополю Быстровка-3, но более объективно показывает общую тенденцию худших социальных и бытовых условий жизни женщин в отличие от мужчин. Причем у населения Новосибирского Приобья в позднее время отмечается даже падение среднего возраста смерти женщин по сравнению с VI–IV вв. до н. э. Показатель детской смертности также неоправданно низкий — 36,9 %.

Таблица 8

Соотношение возрастных групп в некрополях Барнаульского Приобья и степной зоны разных периодов

Возраст, лет	Ранний этап		Поздний этап		Всего	
	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%
	Женщины					
17–25	13	9,77	60	7,92	73	8,19
26–35	21	15,79	63	8,31	84	9,43
36–55	11	8,27	73	9,63	84	9,43
56–70	1	0,75	6	0,79	7	0,79
	Мужчины					
17–25	3	2,26	54	7,12	57	6,4
26–35	10	7,52	103	13,59	113	12,68
36–55	16	12,03	125	16,49	141	15,82
56–70	4	3,01	5	0,66	9	1,01
	Дети					
0–1	17	12,78	70	9,23	87	9,76
1,1–11	25	18,8	166	21,9	191	21,44
12–16	12	9,02	33	4,35	45	5,05
Всего	133	100,0	758	100,0	891	100,0

Для позднего периода самыми представительными в демографическом отношении являются Новотроицкое-1 и Новотроицкое-2, Масляха-1, Рогозиха-1В, Камень-2. В III–II вв. до н. э. индекс маскулинизации составляет в среднем 1,4. В Рогозихе-1В позднего периода, Камне-2 и Новотроицком-1 могильниках наблюдается уже перевес мужчин: 1,1; 1,21; 1,4 (соответственно). Но средний возраст смерти женщин традиционно ниже мужского.

Пики женской и мужской смертности в графиках по некрополю Камень-2 совпадают (рис. 5). Но наблюдается одно отличие: у юных чаще умирали женщины, у зрелых — мужчины, что близко к нормальной демографической картине в отличие от других могильников.

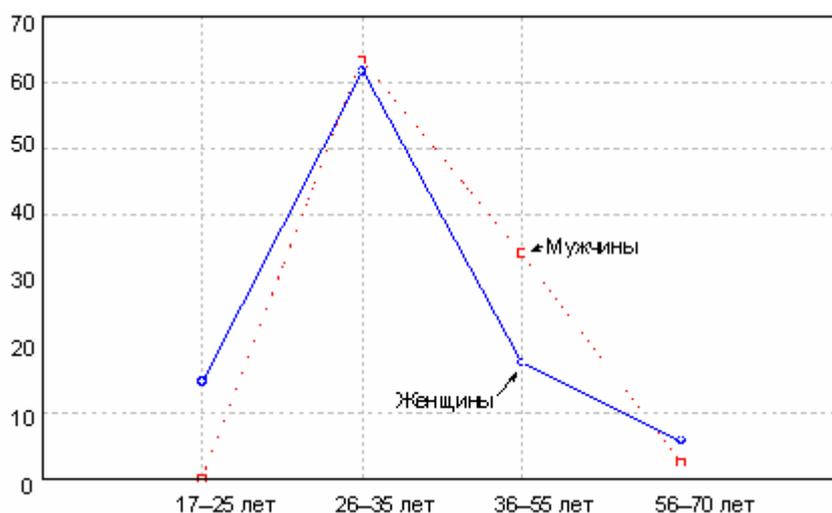

Рис. 5. Каменная культура. График смертности по могильнику Камень-2 (в %)

Необычной является демографическая картина, зафиксированная в Масляхе-1 (табл. 10). В этом некрополе индекс маскулинизации исключительно высокий — 2,8, в Новотроицком-2 — 1,92, мужская смертность значительно выше женской, больше средний возраст смерти женщин (41,35 года против 36,42 лет у мужчин в Новотроицком-2; 34,67 года против 33,93 года в Масляхе-1). При этом уровень детской смертности — 31–43 % явно недостаточен, как и количество детей на одну женщину в Новотроицком-2 и Кирилловке-3, определяемое как 1,7–1,8 соответственно. А по Масляхе-1 этот показатель составляет 2,9, что вряд ли соответствует реальному из-за заниженного числа младенцев в этих некрополях. Если принять младенческую смертность как несколько большую, чем подростковая, то для этих могильников детская смертность составит 55–65 %, а показатели количества умерших детей тогда будут около 4–6 на одну женщину.

Таблица 9

Половозрастная структура популяций в могильниках Быстровка-1 и Новотроицкое-2

Возраст, лет	Быстровка-1			Новотроицкое-2		
	Кол-во	%	Средний возраст смерти, лет	Кол-во	%	Средний возраст смерти, лет
Женщины						
17–25	4	6,56	–	11	6,04	–
26–35	7	11,48	–	8	4,4	–
36–55	6	9,84	–	19	10,44	–
56–70	1	1,64	–	1	0,55	–
<i>Итого</i>	18	29,51	34,86	39	21,43	41,35
Мужчины						
17–25	0	0	–	16	8,79	–
26–35	4	6,56	–	20	10,99	–
36–55	11	18,03	–	39	21,43	–
56–70	0	0	–	0	0	–
<i>Итого</i>	15	24,59	41,83	75	41,21	36,42
Дети						
0–1	16	26,23	–	21	11,54	–
1,1–11	11	18,03	–	38	20,88	–
12–16	1	1,64	–	9	4,95	–
<i>Итого</i>	28	45,9	2,86	68	37,36	5,17
<i>Всего</i>	61	100,0		182	100,0	

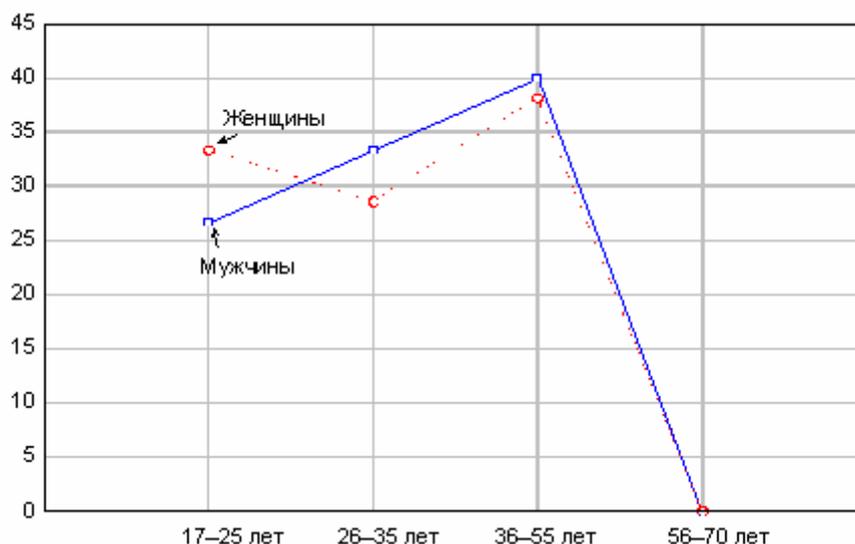

Рис. 7. Каменная культура. график смертности по могильнику Масляха-1 (в %)

Это наблюдение дает основания для предположения о катастрофическом ухудшении условий жизни для всех возрастных групп в последней трети I тыс. до н. э., приведших некоторые популяции к полному упадку, поставивших их на грань вырождения и ассимиляции.

Возможно, что общество стремилось преодолеть депопуляцию ростом рождаемости, так как в графиках распределения умерших женщин по возрастам по могильникам Новотроицкое-2, Масляха-1 и Рогозиха-1В наблюдается два пика, один из которых приходится на возраст 17–25 лет, период наиболее частого деторождения (рис. 6–8). Вероятно, поощрялись полигамия и ранние браки. Высокая доля подростков отмечена не только на позднем этапе среди умерших в Масляхе-1 и составляет 6,89 % (см. табл. 10), Рогозихе-1В, где определена в 7,79 % (табл. 11), Быстровке-3, где она рассчитана как 7,37 % [Бородовский, Шпакова, 1999, с. 156], но характерна и для могильников раннего периода в целом, и Барнаульского региона в частности — 9,02 % (см. табл. 8). Например, для Кирилловки-3 показатель смертности подростков рассчитан как 10,61 % (см. табл. 7).

В литературе имеется демографическая характеристика могильников Масляха-1 и Масляха-2, данная М. П. Рыкун суммарно. Она указывает, что показатель детской смертности составляет около 44 %, средний возраст смертности приходится на период возмужалости, что объясняется для женщин осложнениями при родах, для мужчин — военными столкновениями, только 1 % умерших в старческом возрасте составляли мужчины и 4 % — женщины [Рыкун, 1997, с. 76].

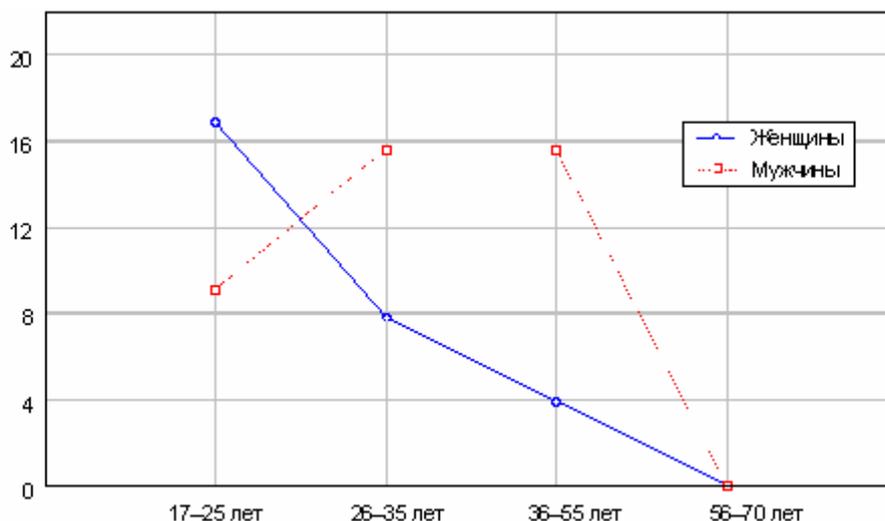

Рис. 8. Каменная культура. График смертности по некрополю Рогозиха-1В (в %)

Характер адаптации каменцев к условиям природной и социальной среды не изучен. Патологические изменения по материалам посткраниального скелета изучены недостаточно и прослежены только по могильникам у д. Масляха. По данным М. П. Рыкун, возрастные поражения костных тканей характерны для скелетов 50-летних мужчин и женщин (остеопороз, краевые разрастания на позвонках и фалангах), лишь 1 % покойников имели сросшиеся переломы. Особенности строения тела указывают на принципиально разные физические нагрузки полов. Мужчины имеют рост категории средняя — ниже средней (163–165 см), рост женщины относится к средней категории (153–155 см), что ниже средних величин в эту эпоху, например, по Алтаю [Рыкун, 1997, с. 81].

Таблица 11

Половозрастная структура коллективов в могильниках Рогозиха-1В и Новотроицкое-1

Возраст, лет	Рогозиха-1В			Новотроицкое-1		
	Кол-во	%	Средний возраст смерти, лет	Кол-во	%	Средний возраст смерти, лет
Женщины						
17–25	13	16,88	–	17	9,55	–
26–35	6	7,79	–	14	7,87	–
36–55	3	3,9	–	25	14,04	–
56–70	0	0	–	1	0,56	–
<i>Итого</i>	22	28,57	24,64	57	32,02	34,29
Мужчины						
17–25	7	9,09	–	12	6,74	–
26–35	12	15,58	–	18	10,11	–
36–55	12	15,58	–	31	17,42	–
56–70	0	0	–	2	1,12	–
<i>Итого</i>	31	40,26	33,98	63	35,39	37,75
Дети						
0–1	5	6,49	–	12	6,74	–
1,1–11	13	16,88	–	39	21,91	–
12–16	6	7,79	–	7	3,93	–
<i>Итого</i>	24	31,17	7,35	58	32,58	5,57
Всего	77	100,0		178	100,0	

Без сомнения, население лесостепного Приобья жило в обстановке все возрастающей военной опасности и вело постоянные кровопролитные межплеменные и оборонительные войны, свидетельством чему является высокая смертность мужчин в молодом возрасте и подростков во всех группах, датируемых III–II вв. до н. э. Кроме того, мы имеем достаточно большое количество прямых доказательств военных стычек на всем протяжении существования каменной культуры в виде захоронения обезглавленных трупов (Ордынское-1, Быстровка-3), пробитых чеканами черепов, следов ран, нанесенных копьем [Рыкун, 1997, 1999б], следов тяжелых переломов и травм (Кирилловка-3 — 2 случая; Новотроицкое-2 — 5 случаев; Новотроицкое-1 — 3 случая; Рогозиха-1В — 4 случая).

Одним из доказательств милитаризации жизни населения раннего железного века в лесостепном Приобье является скальпирование, установленное А. П. Бородовским и Е. Г. Шпаковой по материалам могильника Быстровка-2. Там были обнаружены черепа мужчин юного, молодого и зрелого возраста со следами глубоких нарезок снизу вверх и справа налево, причем в одном случае имелись следы рубящих ударов по теменной части и основанию черепа для отсечения головы [Бородовский, 1997, с. 165, 167].

Но археологические источники указывают, наоборот, на низкую роль военного дела в жизни общества, что необычно для эпохи раннего железа. Они могут быть истолкованы как доказательства военной слабости каменского населения. В первую очередь это отсутствие городищ, малое число предметов вооружения в могилах, низкая доля погребенных с воинским инвентарем.

Например, Т. Н. Троицкая и А. П. Бородовский по материалам Новосибирского Приобья определили долю воинов в 21 % от всех мужских захоронений [1994, с. 82]. Данные же, полученные нами, говорят об еще меньшей представительности воинского инвентаря. В могильниках VI–IV вв. до н. э. по региону в целом насчитывается шесть погребений с костяными наконечниками стрел (4,5 % от общего числа погребенных), с чеканами и панцирными пластинами, кинжалами — по два (1,5 %), с колчанными крючками — три (2,3 %), единичны мечи, кельты. Наборы оружия в рядовых некрополях присущи только главам семейных общин и встречаются не чаще, чем по одной на курган, а в некоторых могильниках их нет вообще, например: Здвинск, Рогозиха-1А, Кирилловка-3, Елунино-1. В социальном плане воинские инвентарные наборы в сочетании с высокими трудовыми затратами на похороны характерны только для элитарных групп захоронений и указывают на непреходящую вооруженность знати.

Безоружность основной части лесостепного населения долины Оби, отсутствие регулярных воинских формирований и городищ указывают на весьма необычную картину для раннего желез-

ного века. Вооруженность глав семейных общин была номинальной и выражала скорее не реальную, а символическую функцию мужчины-руководителя и защитника. Учитывая этнокультурную специфику аристократических некрополей [Матвеева, 1998, с. 30], получаем основание усматривать в традициях каменной культуры ношение оружия как признак привилегированности и принадлежности к верхушке. При высокой вооруженности и активности пограничных саргатцев, кулайцев, саков подчеркнуто мирный характер каменной культуры представляется вынужденным.

В некрополях III–II вв. до н. э. доля вооруженных мужчин чуть выше: с металлическими стрелами — 1,8 % (от общего числа погребенных), с костяными — 8 %, с кинжалами — 3,2 %, с колчанными крючками — 2,8 %, с чеканами — 0,92 % [Матвеева, 1998, с. 27]. Нам кажется, что это следствие возникновения отрядов ополченцев в целях обороны от наступающих кулайцев и саргатцев. В тех же Новотроицких-1 и 2 могильниках и Масляхе-1 прослеживается саргатское влияние на погребальный обряд, а возможно, имеются и погребения мигрантов. Но и ряд поздних могильников не имеют вооружения вообще, например, Милованово-2 и Милованово-8. С другой стороны, отказ от помещения воинских наборов в рядовые могилы мог быть обусловлен как дефицитом металла, так и большим спросом на предметы вооружения, т. е. некоторой рационализацией обряда под влиянием конкретных условий.

Зафиксированный у населения лесостепного Приобья более ранний, чем у мужчин, возраст женской смертности является проявлением общей закономерности, действующей с древнейших этапов истории человечества. Разница средних возрастов смерти составляла первоначально 3 года, потом около 5 лет в пользу мужчин. Эта тенденция, согласующаяся с данными по половозрастной дифференциации погребального обряда, склоняет нас к оценке каменного общества как патриархального [Матвеева, 1998, с. 27]. В этом население каменной культуры не выделяется из среды общностей раннего железного века скифо-сарматского круга: скифов [Кислый, 1995, с. 115–116], тагарцев [Козинцев, 1971, с. 152], джетыясарцев [Бужилова, Медникова, 1993, с. 257], саргатцев [Матвеева, 1999б, с. 89].

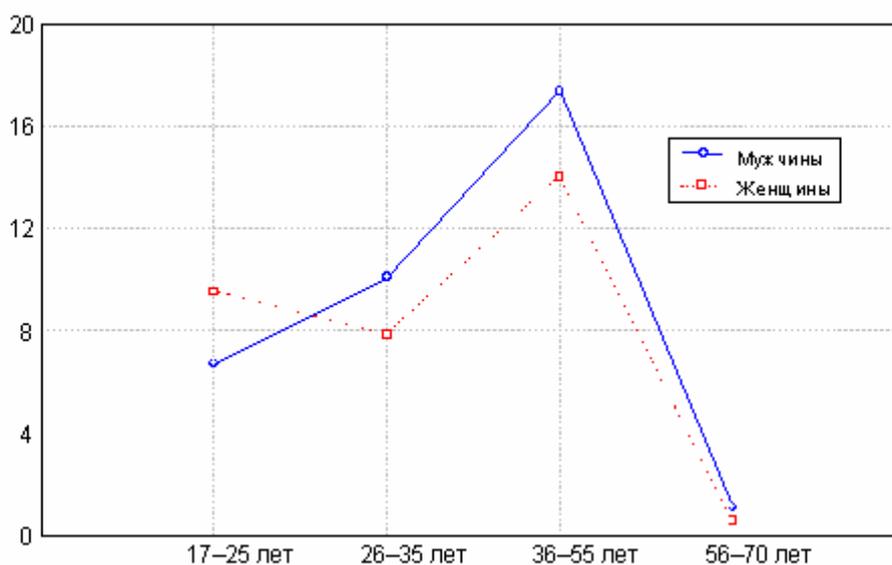

Рис. 9. Каменная культура. График смертности по могильнику Новотроицкое-1 (в %)

Значительный разброс в данных по долям женского и детского населения в некрополях по нашим материалам свидетельствует против тезиса о недостаточности детей и женщин среди умерших и существовании сепаратных женских и детских кладбищ, высказанного М. П. Грязновым применительно к разрушенным ближнеелбанским некрополям [Грязнов, 1956, с. 57–66] и подержанного Т. Н. Троицкой, А. П. Бородовским [1994, с. 81]. Наоборот, факты раскопок А. П. Уманским маленького курганчика № 31 только с детским захоронением в составе Новотроицкого-1 могильника, общая тенденция сооружения для детей малых по глубине могил без срубов и обкладок [Матвеева, 1999а, с. 120], под полами насыпей и во рву [Троицкая, Бородовский, 1994, с. 81] указывают на плохую сохранность таких могил из-за распушки как главную причину диспропорции данных. Это заключение, впрочем, не вступает в противоречие с наличием отдельных женских, детских или мужских курганов как отражением конкретной ситуации в локальной группе населения.

Таким образом, мы почти одновременно с А. П. Бородовским и Е. Г. Шпаковой пришли к выводу о росте числа и кровопролитности военных конфликтов на юге Западной Сибири к концу I тыс. до н. э. и их существенном влиянии на общую демографическую ситуацию [Матвеева, 1998, с. 30];

Бородовский, Шпакова, 1999, с. 156]. Если экстраполировать данные проведенных нами наблюдений на время окончания каменной культуры в целом, то получается, что подорванные постоянными войнами, каменные популяции оказались неспособными к концу I тыс. до н. э. сопротивляться саргатцам в Кулунде, Барабе, а кулайцам в долине Оби.

Этот вывод подтверждается явным саргатским влиянием на погребальный обряд барнаульских некрополей [Могильников, 1997, с. 105; Матвеева, 1999а, с. 121] и согласуется с мнением М. П. Рыкун об этногенетических связях саргатского и каменского населения, обусловленных проникновением саргатцев из Барабы [Рыкун, 1999а, с. 85]. Сравнение вооружения кулайских и больше-реченских (каменных) племен также привело А. П. Бородовского и Т. Н. Троицкую к выводу о военном преимуществе кулайцев [1994, с. 83]. В какой мере обострение военных конфликтов в лесостепном Приобье в березовское время следует связывать с хунно-юечжийскими столкновениями и миграциями [Бородовский и др., 1996, с. 32], остается пока неясным.

Как мы знаем, не устоявшие перед кулайским давлением с севера и уступившие часть своей территории каменцы были частично ассимилированы ими в Приобье [Троицкая, 1979; Могильников, 1997], а в Кулунде можно предположить, видимо, были частично разделены между другими более сильными соседями — саргатцами и усунями.

[1] Автором использованы данные по состоянию на 1997 год. Могильник Рогозиха-1 разделен на условные хронологические группы, причем ранняя обозначена как Рогозиха-1А, поздняя — как Рогозиха-1В.

[2] Палеоантропологические определения В. А. Дремова, А. П. Уманского, А. Н. Багашева, М. П. Рыкун, С. С. Тур. Часть определений выполнена М. П. Рыкун и С. С. Тур по просьбе автора, за что приношу им глубокую благодарность.

[3] Начало репродуктивного периода обычно относят к 15 годам.

[4] По материалам 12 могильников: Ближние Елбаны-3, 7, 12; Быстровка-1 и 3; Новый Шарап-1 и 2; Милованово-2 и 8; Звдинск; Осинцево; Мышайлы.

[5] Цифрами обозначены возрастные группы мужчин и женщин: 1 — 17–25 лет; 2 — 26–35 лет; 3 — 36–55 лет; 4 — 56–70 лет; для детей: 1 — до года; 2 — 1,1–11 лет; 3 — 12–16 лет.

[6] В случаях, когда возраст погребенного был определен не в годах, а путем отнесения к возрастному интервалу, для подсчета возраста смерти взято среднее арифметическое этой группы, что соответствует правилам оперирования интервальными вариационными рядами и было рекомендовано мне В. А. Дремовым, а именно: для *infantilis-1* — 0,5 года; для *infantilis-2* — 6 лет; для подростков — 14 лет; для *juvenilis* — 21 год; для *adultus* — 30,5 лет; для *maturus* — 45,5 лет; для *senilis* — 63 года.

Литература

Бородовский А. П. Проблема исторических корней обычая скальпирования в Западной Сибири // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Материалы V итоговой сессии ИАЭ СО РАН. Новосибирск, 1997. С. 164–169.

Бородовский А. П., Воронин В. Т., Шпакова Е. Г. Палеодемографические исследования по материалам Новосибирского Приобья на рубеже эр // Новейшие археологические и этнографические открытия в Сибири. Материалы IV итоговой сессии ИАЭ СО РАН. Новосибирск, 1996. С. 30–33.

Бородовский А. П., Шпакова Е. Г. Палеодемографическая ситуация в Новосибирском Приобье в конце I тыс. до н. э. (по краниологии курганной группы Быстровка-3) // Экология древних и современных обществ: Тез. докл. конф. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 1999. С. 154–157.

Бужилова А. П., Медникова М. Б. Опыт палеодемографической реконструкции населения Восточного Приаралья в последние века до н. э. — VIII в. н. э. (по материалам из склепов джетыясарской культуры) // Низовья Сыр-Дарьи в древности. Вып. 2. Джетыясарская культура. Ч. 1. Склепы. М.: ИЭиА РАН, 1993. С. 253–270.

Грязнов М. П. История древних племен Верхней Оби по раскопкам близ с. Большая Речка // МИА. 1956. № 8. 163 с.

Кислый А. Е. Палеодемография и возможности моделирования структуры древнего населения // СА. 1995. № 2. С. 112–122.

Козинцев А. Г. Демография тагарских могильников // СЭ. 1971. № 6. С. 148–152.

Матвеева Н. П. Социально-экономические структуры древнего населения Западной Сибири (ранний железный век лесостепной и подтаежной зон): Автореф. дис... д-ра ист. наук. Новосибирск: ИАЭ СО РАН. 1998. 45 с.

Матвеева Н. П. Социальное развитие древнего населения лесостепного Приобья // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий. Междунар. науч. конф. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1999а. С. 118–122.

Матвеева Н. П. Материалы к палеодемографической характеристике саргатской общности // ВААЭ. Вып. 2. Тюмень: ИПОС СО РАН, 1999б. С. 87–97.

Медникова М. Б., Бужилова А. П. Палеодемографический анализ по материалам могильника Косасар-2 // Низовья Сыр-Дарьи в древности. Вып. 3. Джетыясарская культура. Ч. 2. Могильники Томпакасар и Косасар. М.: ИЭиА РАН, 1993. С. 267–276.

Могильников В. А. Население Верхнего Приобья в середине — второй половине I тыс. до н. э. М.: ИА РАН, 1997. 196 с.

Рыкун М. П. К антропологии населения лесостепного Алтая в эпоху раннего железа (по материалам Масляха 1, 2) // ВААЭ. Вып. 1. Тюмень: ИПОС СО РАН, 1997. С. 75–82.

Рыкун М. П. Материалы по краниологии населения Северного Алтая раннего железного века (каменная культура) // ВААЭ. Вып. 2. Тюмень: ИПОС СО РАН, 1999а. С. 78–86.

Рыкун М. П. О характере травматических повреждений мужского населения каменной культуры (по материалам могильника Новотроицкое-1) // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий. Междунар. науч. конф. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1999б. С. 151–154.

Троицкая Т. Н. Кулайская культура в Новосибирском Приобье. Новосибирск: Наука, 1979. 126 с.

Троицкая Т. Н., Бородовский А. П. Большереченская культура лесостепного Приобья. Новосибирск: Наука, 1994. 184 с.

Тюмень, ИПОС СО РАН